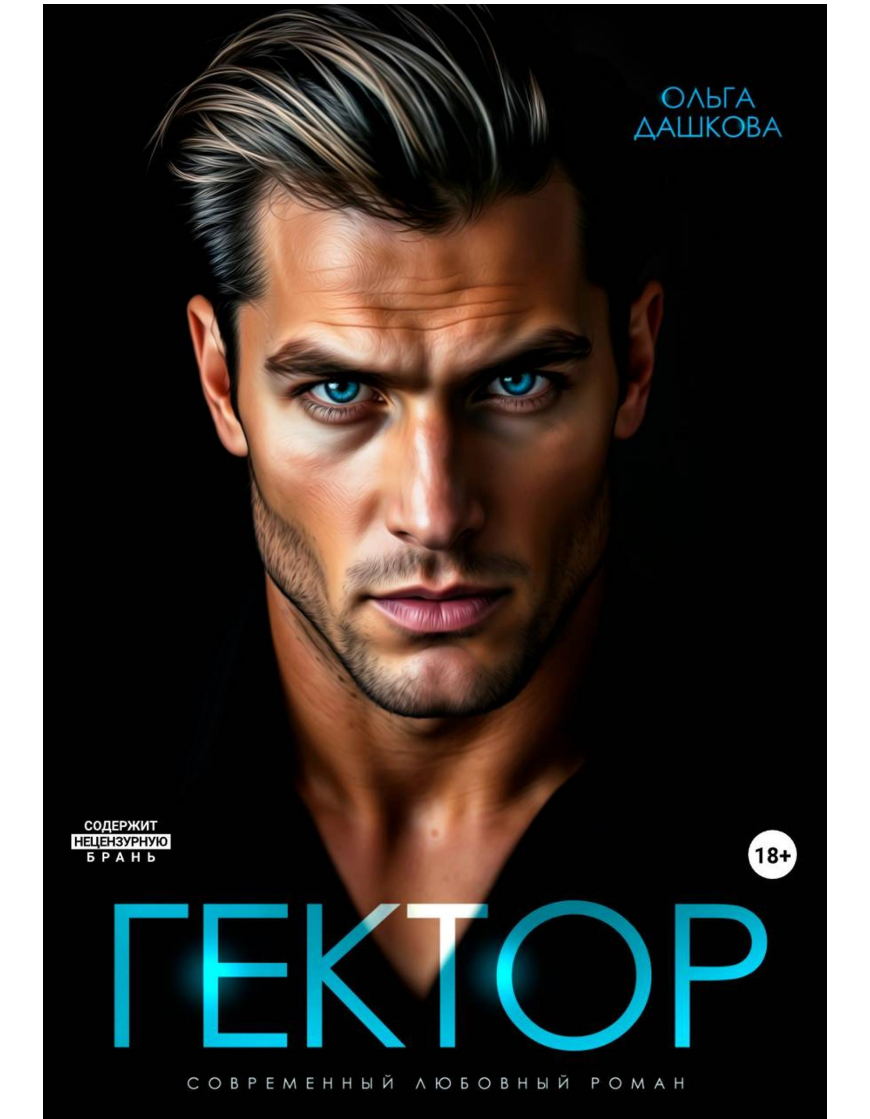

A close-up portrait of a man with light brown hair, a light beard, and striking blue eyes. He is looking directly at the camera with a serious expression. The background is dark, making his face the central focus.

ОЛЬГА
ДАШКОВА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ГЕКТОР

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Ольга Дашкова

Гектор

<https://litres.ru/74241038>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я видел разных людей перед смертью.

Нора была первой, кто смотрел на меня без страха.

Холод оружия, темнота подземной парковки, и она, с голосом человека, который давно принял все возможное.

Она назвала три имени, которые я семь лет не произносил вслух.

Нора была тeneвым бухгалтером структуры, которой позволено все.

Тихой, невидимой, математически точной заложницей.

Гением, которого держали за горло жизнью ее ребенка.

Я должен был ее убить. Вместо этого впервые за семь лет нашел людей, которых искал. Она была ловушкой. Я это знал.

И все равно остался.

#9 книга серии "Чужие"

Содержание

Пролог	4
Глава 1	12
Глава 2	19
Глава 3	26
Глава 4	34
Глава 5	40
Глава 6	46
Глава 7	52
Глава 8	57
Глава 9	63
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Ольга Дашкова

Гектор

Пролог

Гектор

Я изучал ее двадцать один день.

Не потому, что она этого требовала. Требовала максимум трое суток. Адрес, маршруты, привычки, слабые места. Стандартный набор, который я собирал быстрее, когда цель была действительно сложной.

Нора Ингольф не была сложной целью. Так казалось в первые три дня.

На четвертый что-то пошло не тау и я не мог точно сказать, что именно, а я не люблю вещи, у которых нет точного названия.

Снова открыл папку, снова читал, смотрел на фотографии, сделанные с большого расстояния, с такой выдержкой, которая превращает живого человека в мишень.

Женщина тридцати пяти лет, доцент кафедры экономики. Ходит пешком, не пьет, не курит. Возвращается домой в одно и то же время с точностью до четырех минут.

Так не ходят люди, которым нечего скрывать. Так ходят люди, которые очень хорошо понимают цену случайности и

намеренно ее исключают.

Темные волосы всегда убраны назад, серое пальто, немаркое, цвет, который не бросается в глаза в толпе и не задерживается в памяти случайного свидетеля. Лицо спокойное, с той особой невозмутимостью, которая не от характера.

От выучки, я знал эту выучку. Сам носил ее как вторую кожу столько лет, что уже не помнил, какой она была изначально.

Кому она не угодила?

Я прокручивал это в голове снова и снова, не вопросом, просто слова, как камень в сжатом кулаке. Заказ пришел сверху, через двух посредников, с чистыми деньгами и документами. Не задавал вопросов, никогда не задавал, это тоже было одним из немногих правил, которые я неукоснительно соблюдал.

До этого раза.

То, что я начал видеть под поверхностью на седьмой день наблюдений, было похоже на что-то очень старое. На что-то, что я похоронил семь лет назад вместе с человеком, которого не смог защитить.

Вместе с именами, которые я давно перестал произносить вслух, не потому, что забыл. А потому, что слишком хорошо их помнил.

Имена людей, которым было позволено все. Которые до сих пор могут все.

Закрыв папку, открыл снова. И начал двадцать первый

день.

Парковка под бизнес-центром работала круглосуточно. Три камеры, я знал их «слепые зоны» наизусть еще до того, как выбрал это место. Б2, нижний уровень, дальний торец.

Она всегда оставляла свою серую «Октавию» на одном и том же месте, от этой привычки профессионал должен избавиться в первую очередь. Я заметил это еще на второй день и с тех пор возвращался к этому наблюдению снова и снова, как к чему-то, что не укладывалось в общую картину.

Она была слишком умна для такой привычки. Значит, она делала это намеренно.

Занял позицию в 23:14. Бетон, тишина, запах машинного масла и застоявшегося воздуха. Темнота, в которой я умею растворяться так давно, что она стала мне привычнее света. Тело в режиме ожидания, голова отдельно, как всегда. Тело умело работать само.

Голова думала о Максиме.

О звонке в три часа ночи семь лет назад. Один звонок, три слова – *они меня нашли* – и больше ничего. Больше ничего и никогда. Я столько раз думал об этом звонке, что он стал частью меня, как шрам над бровью или татуировка на груди. Не болит, но всегда со мной, под любой одеждой, в любое время суток.

И о подписях, которые я нашел спустя два года, когда уже умел искать так, чтобы не оставлять следов. Три подписи на

документах, которых не должно было существовать.

Три человека, до которых я не мог дотянуться, не потому, что не умел, а потому, что они встроены в эту систему, как несущие стены. Тронешь одну и рухнет все здание, а под обломками окажутся не только они.

Услышал ее шаги раньше, чем увидел.

Каблуки низкие, удобные для человека, которому может понадобиться быстро передвигаться. Сумка на левом плече, правая рука свободна, я поднял оружие.

Женщина остановилась.

Не от страха, страх я чувствую раньше, чем человек сам его осознает, по дыханию, по едва заметному изменению в том, как держатся плечи. Ничего этого не было.

Она остановилась так, будто дошла до назначенной точки. Будто эта темная парковка, этот мертвый угол между двумя бетонными колоннами и есть именно то место, куда она и шла.

Повернулась.

Боковой свет с верхнего уровня падал неровно. Вблизи ее лицо было другим, чем на фотографиях. Спокойнее. Спокойствием человека, который уже принял решение раньше, чем оказался здесь. Раньше, чем я появился в ее жизни.

– Вы.

Я молчал, палец на спусковом крючке, привычное место, привычное усилие. Работа.

– Я знала, что ты придешь, – голос ровный, без дрожи. –

Не знала только когда именно. Ждала дольше, чем думала. – Короткая пауза, и в этой паузе я вдруг понял, что она не тянет время. Она говорит правду с той же точностью, с которой я собирал на нее досье двадцать один день. – Знаешь, что самое странное? Не страшно. Совсем. Я думала, будет страшно, когда это случится. Все-таки столько лет ждать. Но нет. Только усталость. Очень старая усталость.

Что-то в этих словах остановило меня, не растрогало, я не умею жалеть, это тоже ушло вместе с другими вещами, которые уходят, когда долго живешь так, как живу я.

Остановило другое. То, что в этих словах я узнал что-то свое. Усталость, у которой нет названия, потому что она не от работы и не от недосыпа, а от того, что слишком долго несешь на себе что-то тяжелое и уже не помнишь, каково это не нести.

– У тебя есть примерно сорок секунд, – продолжила. – Потом ты выстрелишь или не выстрелишь, выбор за тобой, и я его приму. Но сначала я назову тебе три имени.

Я не ответил.

– Верховский. Данн. Кравцов-старший.

Тишина на Б2 – стояла бетонная, глухая, без эха. Я слышал только эти три имени. Она произнесла их без интонации, как координаты. Как код, открывающий что-то, что было заперто очень давно. И вот теперь я почувствовал, как что-то внутри меня сдвигается с места со скрипом, как несмазанный механизм.

Семь лет.

Семь лет я носил эти имена в себе, как осколки глубоко внутри, где уже не болит, но и не заживает никогда. Эти трое подписали приказ о смерти Максима так же, как подписывали сотни других приказов – между делом.

Не поднимая глаз от стола, потому что это было просто еще одно из многих решений. Людям, которым позволено все, легко подписывать приказы о смерти других. Рука не устает.

– Ты знаешь эти имена.

– Знаю, – ответил.

Первое слово за двадцать один день. Первое слово, сказанное живому человеку, а не его досье в темноте чужой машины.

– Я работаю на них уже семь лет, – ровным голосом сказала Нора Ингольф, словно отчитываясь. – Не по своей воле. Но я знаю каждую схему, каждый счет в каждой банке на каждом континенте. Каждое имя под каждой бумагой, которую они хотели бы уничтожить. – Пауза. Она смотрела на меня прямо, не отводя взгляда, не с вызовом, просто смотрела, как смотрят на что-то, от чего нет смысла прятаться. – Я знала, кто ты такой, за три недели до того, как ты начал за мной следить. Я знала, что заказ на меня придет именно через тебя. И я знала, что ты – единственный, кому я могу это сказать. Потому что ты один из немногих, кому эти трое тоже что-то должны.

Я смотрел на нее. Она смотрела на меня.

Два человека в мертвом углу камеры.

У каждого свой груз, который они тащат так давно, что уже не замечают его тяжести. Только иногда в три часа ночи просыпаешься от голоса, которого больше нет, или от цифр, которые она, наверное, тоже видит во сне.

Потому что люди, которых держат за горло, угрожая жизнью их ребенка, тоже видят сны. Я понял это на седьмой день, когда нашел то, что было спрятано глубже всего. Это были не счета, не схемы.

Девочку. Восемь лет. Где-то далеко отсюда, там, куда не дотянуться.

Рука опустилась.

Не потому, что я ей поверил, я никому не верю, это единственное правило, которое я никогда не нарушал. Просто в этот момент, в эту секунду, когда она произнесла эти три имени, как пароль к самому сокровенному в моей душе, убивать ее было неправильно.

С той холодной точностью, с которой я принимаю все решения: неправильно.

Расстановка сил изменилась. Нужно пересчитать.

Я всегда пересчитываю.

– Сколько у тебя времени?

Она немного помолчала, совсем чуть-чуть, едва заметно. Я заметил.

– Меньше, чем хотелось бы, – ответила Нора Ингольф. –

У меня всегда меньше времени, чем хотелось бы.

Это был неподходящий вечер для того, чтобы начинать что-то заново.

Но у меня давно не было подходящих вечеров.

И, судя по ее взгляду, у нее тоже.

Глава 1

Гектор

Музыка здесь всегда одна и та же.

Я бывал в десятках таких мест, в разных городах, с разными названиями над входом, с разным количеством нулей в счете. Музыка везде одна. Низкий бас, который ощущаешь не ухом, а грудной клеткой.

Свет, который меняет цвет каждые несколько секунд: красный, синий, снова красный. Запах дорогого алкоголя и дешевых духов, смешанный с чем-то еще, чего я давно научился не замечать.

Я сидел в дальнем углу. Всегда в дальнем углу, спиной к стене, лицом к залу, с видом на оба выхода. Это был рефлекс, от которого я уже не пытался избавиться.

Передо мной стоял нетронутый стакан.

Передо мной стояла девушка.

Она была красива той профессиональной красотой, которую здесь покупают вместе с музыкой и приглушенным светом. Длинные ноги, темные волосы, взгляд с правильно выверенной долей интереса.

Она двигалась пластично, уверенно, знала цену каждому жесту. Медленно опустилась передо мной на колени, не отрывая взгляда, провела ладонями по бедрам снизу вверх, с нажимом, с той профессиональной точностью, которая

должна была сработать безотказно.

Работала.

Тело реагировало, как и должно было. Я не монах, не мертвец и не делал вид, что это не так. Мысли были совсем о другом.

Она что-то говорила, я не вслушивался в слова, только в интонацию. Что-то низкое, с придыханием, отработанное. Подняла на меня выразительные глаза, обведенные темными кругами, с таким выражением, которое говорило: *я сумею дать то, что тебе нужно.*

– Заткни им рот, – она улыбнулась, такая улыбка тоже входила в стоимость, и сделала то, о чем я просил.

Откинулся на спинку дивана. На секунду закрыл глаза, потом открыл. Посмотрел на потолок, где медленно вращались блики света: красный, синий, красный. Услышал музыку, которую перестал слышать еще при входе. Почувствовал то, что чувствовал, ровно настолько, насколько позволял себе чувствовать.

И думал о женщине, которую видел сегодня днем.
Не об этой.

Я получил задание девять дней назад.

Папка пришла через Стрельникова, как обычно, без лишних слов, с чистыми деньгами и чистыми документами. Открыл ее в машине, прочитал один раз, закрыл. Потом открыл снова и перечитал, что делаю редко.

Нора Ингольф. Тридцать пять лет. Доцент кафедры экономики. Не замужем. Ребенок за границей.

Фотографии были сделаны издалека – стандартные, для опознания. Лицо, маршруты, адрес. Я смотрел на снимок дольше, чем обычно. Не потому, что она была красивой, она была красивой, но дело не в этом. Потому что в ее взгляде, даже на плохой фотографии, сделанной в движении, было что-то такое, что я не сразу смог определить.

Грусть.

Не та театральная улыбка, которую я только что видел в глазах девушки передо мной. Другая грусть, старая, застывшая, ставшая частью лица так давно, что, наверное, она сама ее уже не замечала. Так бывает с людьми, которые слишком долго несут на себе тяжкое бремя.

Я знал, как это выглядит. Видел это каждый раз, когда смотрел в зеркало, если смотрел.

На третий день я снял квартиру напротив ее дома. Старый дом, второй этаж, окна выходят в узкий двор. Хозяйка – пожилая женщина с безразличным взглядом – взяла деньги, не задала ни одного вопроса и дала ключи. Я ценю людей, которые не задают вопросов.

Квартира была пустой, холодной и пахла чужой жизнью. Я не включал свет. Мне не нужен свет. Мне нужно было окно.

Ее окна светились допоздна почти каждую ночь – до двух, а иногда и до трех. Она сидела за ноутбуком, и я видел, как меняется отблеск экрана на ее лице, синеватый, ровный.

Иногда она вставала, уходила на кухню и возвращалась с чашкой. Движения без суеты, без спешки, точные, экономные, привычные. Так двигается человек, который давно живет один и давно к этому привык.

Я изучал ее. Это была работа. Просто работа. Но на седьмой день, сегодня, я поймал себя на мысли, что думаю не о маршрутах и не о слабых местах. Я думаю о том, кому она не угодила?

И это не было частью работы. Совсем не было.

Девушка закончила, поднялась с колен с той же профессиональной грацией, с какой опустилась. Я достал деньги, положил на стол, не считая и не глядя. Она взяла их и улыбнулась той же улыбкой.

– Еще?

– Нет.

Ушла, не обидевшись, здесь не обижаются. Взял стакан, сделал глоток и поставил обратно. Посмотрел в зал, где двигались силуэты, где музыка давила на грудь, а свет менял цвет каждые несколько секунд.

Думал о досье.

Заказ поступил сверху, настолько сверху, что Стрельников, который обычно смотрит на меня с выражением человека, который знает больше тебя и доволен этим, на этот раз вообще не смотрел в мою сторону. Положил папку, отвернулся к окну. Это само по себе было информацией к раз-

мышлению.

Значит, за ней стоит кто-то, чье имя даже Стрельников предпочитает не произносить в моем присутствии. Доцент кафедры экономики.

За свою жизнь я устранял самых разных людей – и тех, чья смерть была очевидна с первой страницы досье, и тех, за кем стояло что-то настолько темное, что удивляться не приходилось.

Но минуло девять дней наблюдения, и я не нашел ничего, что объяснило бы такой уровень заказа. Такие деньги. Такую тишину вокруг.

Обычная жизнь. Обычная квартира. Университет, магазин, дом. Никаких встреч, никаких звонков, которые нельзя было бы объяснить. Никакого страха, а напуганные люди, за которыми охотятся, ведут себя иначе. Они оглядываются. Меняют маршруты. Плохо спят.

Она плохо спала, я это видел. Но оглядывалась она так, будто проверяла не улицу, а что-то внутри себя. Совсем другое.

Кому она не угодила?

Никогда не задавал этот вопрос. За все эти годы ни разу. Это не мое дело. Мое дело – точность и чистота. Все остальное чужая территория, на которую я не захожу, потому что там начинаются вещи, мешающие работать.

Но сегодня вопрос был.

И я не мог от него отделаться ни музыкой, ни этой девуш-

кой с профессиональными руками и ртом, ни стаканом, который так и остался почти нетронутым.

Домой я вернулся около полуночи. Не включать свет – привычка, от которой не избавиться. В темноте лучше думается. В темноте меньше лишнего. Снял пальто, бросил на спинку стула, подошел к окну.

Ее окно светилось.

Она сидела, я видел ее силуэт, четко очерченный в голубоватом свете ноутбука. Склонилась над экраном, одна рука подпирает голову, вторая лежит на клавиатуре. Почти не двигается, только пальцы иногда шевелятся. За несколько дней наблюдения я понял: когда она вот так надолго замирает, она не читает. Она думает. О чем-то тяжелом.

Я смотрел на нее из темноты.

Она не знала, что я здесь. Или знала, я еще не решил. Там, внутри ее неподвижного силуэта за стеклом, было что-то, чего я пока не мог понять, что-то, что не лежало на поверхности, как все остальное в ней.

Доцент экономики. Тридцать пять лет. Грустные глаза на плохой фотографии. Заказ уровня, при котором Стрельников смотрит в окно.

Я стоял в темноте и смотрел, как она думает о чем-то своем по ту сторону стекла. Впервые за много лет мне было мало досье. Впервые за много лет мне хотелось не просто знать маршруты и слабые места.

Я хотел понять, за что ее приговорили. Это было непра-

вильно. Я знал, что это неправильно. И продолжал стоять у окна.

Она выключила свет в три часа ночи.

Я лег спать в четыре. Долго лежал в темноте и слушал тишину чужой квартиры. Думал о Максиме, как думал о нем каждую ночь после того звонка. Думал о трех именах, которые семь лет носил в себе, как несмазанный, живой, работающий механизм, но с постоянным скрипом внутри.

Думал о женщине напротив.

О том, что она не спала почти до утра, а значит, ей тоже есть о чем подумать в темноте. О чем-то таком, от чего не спится.

Засыпая, я подумал: у нее тоже есть имена.

Свои.

Глава 2

Нора

Я знала, что он там. Уже четыре дня. Окно напротив, второй этаж, левая квартира, в которой темно всегда, но не пусто.

Пустые окна выглядят иначе. В пустых нет этого едва уловимого присутствия, которое я научилась чувствовать задолго до того, как оно получило имя и форму. Там кто-то стоит у стекла в темноте и смотрит. Профессионально, методично, терпеливо.

Я не меняла маршруты.

Это было моим осознанным, просчитанным решением, как все, что я делаю последние семь лет. Если ты меняешь маршрут, ты показываешь, что знаешь. Если знаешь, либо бежишь, либо готовишься. Я не собиралась бежать. А к подготовке я приступила давно.

Просто ждала нужного человека.

Закрыла ноутбук, встала, прошла на кухню. Налила воды, выпила, стоя у раковины, глядя в стену. Там, за стеной, была улица, за улицей двор, за двором окно, за окном человек, которого я еще не видела в лицо, но уже знала достаточно.

Гектор.

Странное имя для живого человека. Имя из другого времени, из другого мира, где люди выходили на бой, зная, что

проиграют, и все равно выходили. Я читала про того Гектора когда-то давно, в другой жизни, которую почти не помню. Помню только одно: он знал. Знал, что Ахилл сильнее. Знал, что это его последний бой. И все равно вышел.

Я думала об этом первые несколько дней, когда только начала за ним следить параллельно с тем, как он следил за мной. Мы наблюдали друг за другом через несколько слоев посредников и документов, каждый думая, что смотрит в одну сторону. Это было почти смешно, если бы было над чем смеяться.

Вернулась в комнату, открыла ноутбук снова.

Экран осветил стол, руки, край чашки с давно остывшим чаем. Зашифрованная папка, я открываю ее каждый вечер, не потому что нужно что-то проверить, а потому что это как инвентаризация. Убедиться, что все на месте. Что семь лет работы никуда не делись. Что у меня есть то единственное, что удерживает Лотту живой и в безопасности.

Лотта.

Я позволяю себе думать о ней не больше одного раза в день. Это тоже правило, мое собственное, из тех, что я придумала, чтобы выжить. Если думать чаще, начинаешь принимать решения не головой.

А я не могу позволить себе принимать решения не головой. Слишком многое стоит на кону.

Восемь лет. Она уже не тот младенец, которого я видела в последний раз перед тем, как все началось. Она уже человек

со своими мыслями, со своим характером, с голосом, который я слышу раз в месяц и каждый раз не сразу узнаю, потому что он снова другой, снова повзрослел чуть-чуть.

Отец звонит редко. Он боится. Боялся тогда, боится сейчас, я не осуждаю. Страх — это не выбор, это рефлекс, а рефлекс не воспитываются за один раз. Просто от того человека, которого я любила когда-то, из-за страха не осталось почти ничего кроме формы. Оболочка, которая звонит раз в месяц, говорит, что все хорошо, и быстро прощается.

Все хорошо.

Я выучила эту фразу как второй язык. Говорю ее Лотте, когда она спрашивает, где я и почему не приезжаю. Говорю себе по утрам перед зеркалом, когда смотрю на лицо, в котором с каждым годом все меньше от того человека, которым я была *до*.

Говорю Верховскому, когда тихо, профессионально отчитываюсь с правильными цифрами в правильных столбцах. Все хорошо. Схемы работают. Деньги движутся. Никаких сбоев.

За семь лет ни одного видимого сбоя. Невидимые я складывала в отдельную папку. Каждую транзакцию, каждое имя, каждую дату, каждую подпись под каждым документом, который они хотели бы однажды сжечь.

Я складывала аккуратно, методично, без спешки, потому что торопиться было некуда. Нужно было дождаться. Чего именно, я не знала до конца. Человека. Момент. Точки, в

которой одно совпадает с другим.

Три недели назад я нашла в документах имя, которое не искала специально, просто оно было там, в старых транзакциях, в слое, который давно никто не проверял. Один перевод, одна дата, одна фамилия получателя в цепочке: Стрельников. А Стрельников был ниткой, которая вела к конкретному человеку. К человеку с конкретной болью и конкретными навыками.

К человеку, которому эти трое тоже что-то должны. Я проверяла три дня. Потом еще два перепроверяла. Потом поняла: это он. Тот, кого я ждала, не зная, что жду именно его.

За окном напротив темно. Он там.

Представляла, как он стоит у стекла и профессионально, методично изучает меня, составляя картину из мелких деталей. Маршруты. Привычки. Слабые места. Я знала этот процесс изнутри, сама прошла его трижды за эти годы, когда нужно было понять человека быстро и точно.

Это похоже на чтение текста на незнакомом языке: сначала видишь только знаки, потом начинают складываться слова, потом понимаешь смысл. Интересно, до какого слоя он уже добрался?

Видит ли он только доцента экономики с правильными маршрутами и темным пальто? Или уже начинает видеть что-то под этим? Что-то, что не складывается в простую картину?

Я не боялась.

Это было странно, я думала, что буду бояться, когда почувствую, что он рядом. Семь лет я жила с фоновым страхом, как живут с хроническим шумом в ушах: он всегда есть, просто привыкаешь и перестаешь замечать.

Но сейчас я знала, что он там, за окном, и страха не было. Только старая усталость, та, которая живет глубже страха и глубже боли, та, к которой я тоже привыкла настолько, что не всегда могу ее отличить от нормы.

И еще что-то другое.

Что-то похожее на... облегчение. Не потому, что конец близко. А потому, что ожидание было самым тяжелым. Тяжелее страха, тяжелее усталости. Семь лет я ждала нужного момента и нужного человека, и вот он – стоит у темного окна напротив и смотрит на синеватый отсвет моего экрана.

Скоро.

Я не знала точно – когда. Он будет готов, когда будет готов, когда соберет достаточно, когда выберет место и время. Скорее всего, что-то тихое и чистое, там, где нет камер или где он уже знает все мертвые углы. Он профессионал. Это будет профессионально.

У меня было ровно одно преимущество: я знала о нем то, чего он не знал, что я знаю. И это преимущество стоило больше, чем любое оружие.

Закрыла зашифрованную папку, открыла обычный, рабочий файл, лекционные материалы на следующую неделю.

Посмотрела на него несколько секунд. Следующей недели в университете у меня, скорее всего, не будет. Как не будет серого пальто, и маршрутов с точностью до четырех минут, и квартиры, которая пропиталась чужой жизнью, но стала за эти месяцы чем-то похожим на дом.

Закрыла файл, не сохраняя. Встала, прошла к окну, не включая свет, постояла у края, не приближаясь к стеклу, не делая ничего, что можно было бы прочесть как сигнал. Просто стояла и смотрела на темное окно напротив.

Он там.

Я здесь.

Два человека по разные стороны узкого двора, каждый в своей темноте, каждый со своим грузом, который носит так долго, что уже не помнит, каково это – жить без него.

Скоро. И впервые за семь лет это слово не пугало.

Вернулась к столу, вылила холодный чай в раковину, поставила чайник. Пока он закипал, я стояла и думала – не о нем, не о трех именах и не об архиве.

Думала о Лотте.

О том, как она смеется, я слышала это в последний раз по телефону три недели назад, она смеялась над чем-то, что сказала подруга, громко и без стеснения, как смеются дети, которых никто не научил прятать радость. Я держала телефон двумя руками и улыбалась в пустую квартиру. Скоро я ее увижу. Это было не обещание себе. Это было решение. Единственный вид обещаний, которым я еще доверяю.

Чайник закипел, заварила чай, вернулась к столу, открыла ноутбук. Синеватый свет лег на руки, на край чашки, на лицо, я знала, как это выглядит со стороны, из темного окна напротив.

Пусть смотрит. Пусть изучает. Пусть думает, что видит женщину, которая не спит и думает о тяжелом. Он не ошибается, я именно это и делаю. Просто он еще не знает, о чем именно.

Глава 3

Гектор

Она села на пассажирское место так, будто мы договаривались об этом заранее.

Без вопросов, без колебаний у двери, просто открыла, села, закрыла. Сумка на коленях, руки сверху. Смотрит прямо перед собой. Я завел двигатель, но не тронулся с места.

Просто сидел и ждал, это мой инструмент, проверенный: молчание давит на большинство людей сильнее любых вопросов. Они начинают заполнять его сами, говорят лишнее, показывают, где тонко.

Нора Ингольф молчала.

Две минуты. Три. Смотрела в лобовое стекло на бетонную стену парковки, на размытое пятно света от единственного уцелевшего фонаря. Руки на сумке неподвижны, дыхание ровное, ни одного лишнего движения.

Машина тронулась с места.

– Куда, – это был не вопрос.

– Все равно, – ответила она. – Не домой.

Логично, домой ей теперь нельзя, если за ней следили параллельно, квартира уже под вопросом. Она это понимает без объяснений. Выехал из паркинга, повернул направо, на пустую ночную улицу. Несколько кварталов молчали.

Я ехал без цели, просто держал скорость и смотрел в зер-

кала. Никого. Либо хвоста не было, либо он был очень хорошим, проверю позже. Сейчас важнее другое.

– Ты сказала, что знала меня за три недели до наблюдения, – произнес наконец.

– Да.

– Откуда?

Она повернула голову. Первый раз с момента, как села и посмотрела на меня. В свете проезжающих фонарей ее лицо было полосатым: свет, тень, свет. Слишком спокойное для человека, у которого три минуты назад был пистолет у лба.

– Стрельников, – сказала. – Транзакция трехлетней давности. Он проходил как технический посредник в одной из схем Верховского. Небольшая сумма, неприметная строчка. Я нашла ее случайно, разбирала старый слой, который никто не проверял уже два года. Стрельников ведет к тебе. Это заняло время, но я нашла.

– Сколько ты знаешь?

– Про тебя?

– Да.

Она снова смотрела вперед. Думала – я видел это по едва заметному изменению в том, как она держит голову. Не уклонялась от ответа. Взвешивала, сколько сказать.

– Достаточно, чтобы понять: ты не просто исполнитель. У тебя есть своя причина, – Нора говорила ровно, без интонации, как читают документ. – Максим Зорин. Семь лет назад. Его имя есть в документах, которые я храню. Не на первом

слое, глубже. Там, где подписи людей, которые решали, что будет, а что нет.

Максим.

Она произнесла его имя так же, как на парковке, без театра, без расчета на эффект. Просто слово, просто факт. Именно это и было невыносимо, что семь лет я носил это имя как что-то сугубо личное, как незаживающее место, которое никто не должен трогать, а она произносила его ровно, как строку в отчете.

– Продолжай.

– Приказ шел через Кравцова. Верховский знал. Данил подписал финансовую часть, прикрытие, легализацию. Это была не случайность и не ошибка. Максим Зорин нашел что-то, что не должен был найти, и они приняли решение, стандартное для них решение.

Стандартное.

Я ехал и думал о том, как это слово ложится на то, что было семь лет назад. Три ночи без сна после звонка. Два года методичных, холодных поисков, пока внутри шло что-то совсем другое. Имена, которые я нашел и не мог тронуть.

И все это, оказывается, было стандартным решением для людей, которым позволено все.

– Ты сказала: тебе нужен человек. Почему именно я?

– Уже объяснила.

– Объясни еще раз.

Она быстро, оценивающе посмотрела на меня.

– Потому что у тебя есть мотив, который не купишь и не сфабрикуешь. Потому что ты умеешь делать то, чего не умею я. Потому что ты достаточно давно работаешь на этих людях, чтобы знать их структуру изнутри, но достаточно умен, чтобы понять: рано или поздно ты станешь следующей стандартной строкой в их документах, – пауза. – И потому что тебя невозможно купить. Я проверила.

– Как проверила?

– Три года назад Верховский предлагал тебе другие условия. Ты отказал.

Я помнил тот разговор. Помнил, как Стрельников передавал предложение и смотрел в сторону, тогда я не понял почему, теперь понял. Стрельников уже тогда знал, что за предложением стоит, и не хотел встречаться со мной взглядом.

– Ты давно собирала этот архив?

– Семь лет.

– С самого начала?

– С третьего месяца, – поправила она. – Первые три месяца я еще думала, что выход будет другим.

– Каким?

Нора помолчала, дольше, чем обычно. Первая пауза, которая не была паузой взвешивания.

– Думала, что они отпустят, если я буду хорошо работать, – сказала наконец. – Наивно. Но я была другим человеком.

Не ответил. Смотрел на дорогу. За окном проплывал город: фонари, яркие витрины, встречные машины. Обычная

жизнь, которой ни у нее, ни у меня не было уже много лет.

Я не скучал по ней, просто иногда смотрел на нее снаружи и думал: вот как это выглядит. Когда не нужно проверять зеркала. Когда не просыпаешься в три ночи от чужого голоса. Когда имена, которые ты несешь, свои, не чужие.

– Что в архиве?

– Все, – сказала это без пафоса. – Каждая схема за семь лет. Каждый счет, каждая транзакция, каждое имя. Документы, которые они считают уничтоженными, я сохраняла копии. Переписка. Приказы. Включая документы по Максиму Зорину.

Я ехал. Руки на руле ровно, скорость не изменилась.

– Это можно использовать.

– Это можно использовать, – согласилась она. – Но только если правильно и только если быстро. У меня нет выхода на людей, которым это можно передать так, чтобы не замаяли. У меня нет возможности защитить эту передачу физически, – повернулась ко мне. – У тебя есть.

– Ты долго ждала человека с нужными навыками.

– Да.

– И этим человеком оказался тот, кого прислали тебя убить.

– Да, – сказала она без иронии. – Это было неудобно с точки зрения логистики.

Что-то во мне сдвинулось, не смех, я давно разучился смеяться, просто что-то в районе грудины, едва заметно. Она

сказала это абсолютно серьезно, с той же интонацией, с которой говорила про транзакции и архив. Неудобно с точки зрения логистики.

– Сколько времени нам нужно?

– Зависит от тебя. Финансовую часть я могу запустить за двое суток, как только дам команду. Но до этого нужно закрыть несколько точек, людей, которые остановят процесс, если мы не опередим, это твоя часть.

– Сколько точек?

– Семь. Возможно, восемь, одну еще проверяю.

Я просчитал. Реально. Тяжело, но реально – при правильной последовательности и если не будет неожиданных переменных. Переменные всегда есть. Закладываю двадцать процентов на неожиданное.

– Три недели.

– Хорошо.

Снова молчание. Но уже другое, рабочее. Двое людей, которые только что договорились о чем-то тяжелом, и теперь сидят с этим.

– Где ты остановишься?

– Не знаю еще.

Я ехал еще квартал, думал. Потом свернул в другую сторону, не туда, куда ехал.

– Я знаю место. Там чисто. Никто не выйдет на него раньше чем через две недели.

Нора не ответила сразу. Я краем зрения видел, как она

смотрит на меня, просчитывает.

– Это не приглашение. Это логистика.

– Я понимаю. Хорошо.

Я ехал. Город за окном медленно менял районы: из центра на окраину, где фонари реже и темнота гуще. Она смотрела в окно, я смотрел на дорогу.

В машине было тихо, но уже не той тишиной, с которой мы начали. Та была проверкой. Эта была чем-то другим. Я не стал ее называть. Некоторые вещи лучше не называть сразу.

– Максим был твоим другом?

Я не ответил.

– Прости, – сказала ровно. – Это лишнее.

– Да.

Она кивнула, отвернулась к окну, больше не спрашивала. Нора Ингольф понимала, что молчание тоже бывает правильным ответом. Это была важная информация. Я записал ее в той части головы, где хранится все, что может оказаться важным позже. Про нее там уже было много. С каждым километром – больше.

Я остановил машину у тихого дома на краю города. Нора вышла первой, я смотрел, как она стоит на тротуаре и смотрит на здание, фиксирует. Потом повернулась ко мне, в темноте ее лицо было почти неразличимым, только контур, только светлые полосы там, где падал дальний свет.

– Завтра в десять. Я найду тебя.

– Я знаю.

Вошла в здание, я сидел еще минуту, смотрел на закрывшуюся дверь. Думал о Максиме. О том, что его имя теперь ровно произносит чужой человек, как строчку в документе. И о том, что это почему-то было не только невыносимо.

Было еще что-то. Что-то похожее на... я не нашел слова. Оставил без названия.

Глава 4

Нора

Воздух в квартире был нежилым.

Пахло не затхлостью, а просто той особенной пустотой, которая накапливается в местах, где никто не живет достаточно долго, чтобы оставить след. Я знала этот запах. За семь лет сменила восемь квартир, и все они пахли примерно так. Чужим воздухом, чужими стенами, чужой жизнью, которая закончилась раньше, чем началась моя.

Не включала верхний свет. Нашла в прихожей выключатель торшера, он оказался в углу комнаты, старый, с матовым абажуром. Торшер дал слабый желтый круг, этого было достаточно.

Быстро прошла по квартире, это тоже было привычкой. Два выхода: входная дверь и окно на пожарную лестницу, это хорошо. Соседей сверху было слышно, работал телевизор, значит, живые, не наблюдатели. Окна выходят во двор-колодец, угол обзора ограничен, это тоже хорошо.

Гектор выбрал правильное место.

Остановилась посреди комнаты, поставила сумку на деревянный стул, он был единственный в квартире у маленького стола. Посмотрела на кровать у стены, она была застелена, чистое белье, одна подушка. Кто-то готовил это место заранее, но не сегодня.

Значит, он готовился не только к заданию.

Но сейчас нужно думать о том, что важно: первая встреча завтра в десять, значит, у меня есть восемь часов. Из них нужно поспать хотя бы три часа, иначе голова будет работать медленнее, чем нужно, а медленнее, чем нужно, я не могу себе позволить.

Сняла пальто, аккуратно сложила его на спинку стула, села на кровать. Подумала о машине, о том, как Гектор ехал – без лишних движений, руки на руле лежат спокойно. Как молчал именно столько, сколько нужно. Как коротко задавал вопросы, без предисловий, без попытки казаться мягче, чем есть.

Ты давно собирала этот архив.

Это был не вопрос, констатация. Он уже знал ответ, проверял только совпадение. Это был хороший знак. Люди, которые задают вопросы, чтобы проверить, а не чтобы узнать, думают быстро. С такими можно работать.

С такими опасно работать по той же причине.

Я легла, не раздеваясь, смотрела в потолок, желтый отсвет торшера доставал только до середины, дальше был серый сумрак. Тихо. За стеной у соседей неразборчиво работал телевизор, был просто фоном для меня.

Думала о парковке.

О том, как мужчина стоял в темноте. Я почувствовала его раньше, чем увидела, именно так, как и предполагала. Человек его уровня не производит шума, но заполняет простран-

ство другим: осязаемое присутствие, плотность воздуха, не знаю, как назвать точно.

Я шла и знала: вот здесь. Повернулась, и он был именно там. Пистолет, расстояние три метра, мертвый угол камеры. Все правильно, все профессионально. Я смотрела на него и думала только одно: *успею*.

Успею сказать три имени прежде, чем он примет решение. Успела.

Он опустил оружие не сразу, была пауза, несколько секунд, в которые я не дышала, хотя дышала ровно. В эти секунды он просчитывал, я видела это по тому, как изменилось что-то в его лице. Не выражение, у него почти не было выражений.

Потом рука опустилась. Думала, что почувствую облегчение. Почувствовала только усталость, ту, о которой сказала ему вслух. Очень старую, она никуда не делась от того, что план начал работать.

Перевернулась на бок.

Лотта.

Позволила себе подумать о дочери второй раз за день, что было против правил, но правила существуют для нормальных условий, а эта ночь нормальной не была.

Восемь лет. Русые волосы, серьезное лицо, когда думает о чем-то, и смех совершенно неожиданный, громкий. Я знала это по телефону, как он звучит. Живой и без стеснения.

Через три недели, если все пройдет правильно, я ее уви-

жу. Не по телефону. Не голос через помехи и плохую связь. Просто – увижу.

Закрыла глаза.

Подумала об одном: Гектор сказал *три недели*, и сказал это так, как говорят люди, которые умеют считать точно. Не *постараемся*, не *попробуем*. Три недели – и это была цифра, за которой стоял расчет.

Я привыкла верить цифрам.

Людам – нет. Цифрам – да. Это, наверное, профессиональная деформация. Семь лет работы с деньгами учат одному: человек может лгать, система – нет. Если цифры сходятся, значит, сходится все остальное.

Его цифры пока сходились. Посмотрю, что будет завтра.

Я проснулась в семь без будильника.

Лежала несколько секунд, смотрела в потолок, было тихо. Не сразу вспомнила где. Потом вспомнила и сразу встала, потому что лежать без дела я не умею, это еще одна привычка, от которой не избавиться.

Ванная, умылась холодной водой. Посмотрела на себя в маленькое треснутое зеркало в углу. Темные круги под глазами, волосы выбились из узла, заправила их обратно, аккуратно, как делаю каждое утро, потом еще раз посмотрела на себя.

Все хорошо. Нет. Сегодня не эта фраза.

Сегодня я просто смотрела на свое лицо и думала: это ли-

цо человека, который семь лет ждал и дождался. Выглядит именно так. Нормально выглядит.

На кухне нашла растворимый кофе, кто-то оставил, или он положил специально, я не стала думать об этом. Включила чайник, открыла ноутбук. Зашифрованная папка.

Инвентаризация, как каждое утро. Все на месте: схемы, счета, копии документов, переписка. Тридцать четыре гигабайта чужих преступлений, собранных методично, аккуратно, без спешки. Семь лет.

Я смотрела на папку и думала: завтра все это начнет двигаться. Не как все это время накапливалось, складывалось и ждало, а быстро и необратимо.

Чайник закипел. Я налила кофе, закрыла ноутбук. Подошла к окну.

Двор-колодец внизу был пустым, рано еще, семь утра. Серое небо, голые ветки дерева у стены, мокрый асфальт. Обычный двор обычного города, которому нет дела до того, что происходит за чужими окнами.

Никогда нет дела. В этом есть что-то правильное.

Я пила кофе и смотрела в серое небо. Думала о нем – и не потому, что хотела, просто он там был, в этих мыслях, без спроса. Вопрос, который он не задал вслух в машине, но который был, я чувствовала.

Почему ты мне доверяешь?

Он не спросил, потому что уже знал ответ, что я не доверяю, я использую. Разница небольшая, но она есть, и он

ее понимал, это было видно по тому, как он принял это без возражений. Без обиды, без уточнений.

Просто принял как рабочее условие. Это был правильный человек. Неудобный. Опасный. Непредсказуемый ровно настолько, чтобы держать в тонусе.

Но правильный.

Допила кофе, поставила чашку в раковину, вернулась к столу. До десяти было еще три часа. Открыла ноутбук, нашла нужный файл, схема первого узла, тот, с которого нужно начинать, если хочешь, чтобы все остальное рухнуло правильно, в нужной последовательности, без лишнего шума.

Начала работать. Это я умею – работать в тишине, в чужом месте, за семь лет это стало единственным, что оставалось неизменным. Места были разные. Работа всегда одна.

В 10:00 я закрыла ноутбук и встала. Гектор найдет меня, сам сказал, значит, нужно ждать. Я умею ждать.

Хуже получается не думать о том, что будет, если что-то пойдет не так. Что будет с Лоттой? Что будет с архивом? Что будет с тремя неделями, которые он называл так уверенно?

Но это тоже правило: не думать о том, что нельзя контролировать.

Глава 5

Гектор

Пришел в 10:02.

Это не опоздание, это была проверка. Два лишних часа я провел в машине в трех кварталах от дома, менял позицию дважды, смотрел. Никого. Либо чисто, либо очень хорошо, но такой уровень слежки за конспиративной квартирой потребовал бы ресурсов, которых у Верховского здесь нет. Пока нет.

Нора открыла дверь раньше, чем я постучал. Слышала шаги на лестнице, запомнила мою походку за одну ночь.

– Есть кофе.

– Нет, не нужно.

Прошел в комнату, она аккуратно в сторону, экраном вниз убрала со стола ноутбук. Автоматическое движение человека, который привык, что на экран смотрят чужие глаза. Я сел на стул, она на край кровати напротив. Правильное расстояние.

– Начнем с карты.

Нора кивнула, открыла ноутбук, развернула ко мне. На экране была схема, я смотрел несколько секунд. Сложно. Многоуровнево. Семь лет работы выглядели именно так: как паутина, в которой каждая нить держит несколько других, и не сразу понятно, где центр.

– Объясни структуру. Не детали. Скелет.

Она объясняла десять минут. Говорила ровно, без лишних слов: три уровня, девять узловых точек, четыре человека, которые знают все, остальные знают только свое.

Верховский наверху, но не напрямую – через Данна. Данн держит финансовые потоки. Кравцов-старший держит связь с государственными структурами, его подписи легализуют все, что нужно легализовать.

Я слушал и одновременно думал о последовательности.

– Если убрать Данна первым, то Верховский успеет заблокировать счета.

– Знаю. Но Данн не первый, – Нора указала на схеме точку в стороне. – Здесь. Логистик среднего звена, Прохоров. Через него идут все внутренние коммуникации между уровнями. Если он исчезает, то у них три, максимум четыре дня, прежде чем они поймут, что потеряли связность. За это время я запускаю финансовый механизм.

– И тогда Данн.

– Тогда Данн, – согласилась Нора. – Но не раньше.

Я смотрел на схему и думал. Нора ждала молча, как человек, который умеет давать другому думать.

– Прохоров. Где он сейчас?

– Меняет место каждые пять дней. Последняя известная точка – загородный дом в Подмосковье. Но это было четыре дня назад.

– Значит, завтра переедет.

– Скорее всего, сегодня ночью.

Кивнул, встал, подошел к окну, посмотрел во двор. Пусто. Дерево, мокрый асфальт, серое небо, то же самое, что она, наверное, видела утром. Подумал: мы смотрим на одни и те же вещи и думаем об одном. Это было непривычно. Я давно работал один.

– У тебя есть выход на его расписание?

– Есть. Через финансовые движения, он всегда снимает наличные перед переездом. Одна и та же сумма, одна и та же карта.

– Когда последнее снятие?

– Сегодня утром. В восемь сорок семь.

Повернулся, Нора смотрела на меня ровно. Уже знала, что это означает, что у меня есть примерно двенадцать часов. Что разговор закончился, и начинается работа.

– Мне нужен его маршрут.

– Пришлю на одноразовый номер через час.

Взял куртку, которую бросил на спинку стула при входе. Нора закрыла ноутбук, снова аккуратно, привычно. Встала, мы стояли по разные стороны стола, небольшого, меньше метра между нами. Я смотрел на нее и думал о том, что она сказала ночью в машине.

Думала, что они отпустят, если буду хорошо работать.

Она сказала это без жалости к себе, просто констатировала, что была наивной, теперь нет. Большинство людей говорят о своих прошлых ошибках с интонацией, которая просит

реакции. Она не просила ничего.

– Один вопрос.

Она ждала.

– Архив. Он только у тебя?

Пауза – короткая, едва заметная.

– Нет.

– Сколько копий?

– Три. Разные носители, разные места. Если со мной что-то случится, они уйдут автоматически. Нужным людям, нужным способом.

– Кто знает об этих людях?

– Только я.

Я смотрел на Нору, она смотрела на меня. Это был правильно выстроенный ответ, страховка на случай, если я решу, что проще закрыть вопрос иначе. Она подумала об этом заранее.

– Хорошо.

– Это не про доверие, – сказала ровно. – Это про логику.

– Знаю.

Я знал. Сам бы сделал так же.

Надел куртку, застегнул. Взял телефон со стола, одноразовый, один из двух, купленных вчера ночью, Нора знала номер, пошел к двери. У порога остановился, не потому что хотел что-то добавить по делу. Она стояла посреди комнаты и смотрела на закрытый ноутбук.

– Ты спала?

- Три часа. Достаточно.
- Недостаточно.
- Мне хватает.
- Час, – сказал. – Маршрут.
- Час, – повторила.

Вышел, спустился по лестнице, вышел во двор. Постоял секунду, небо серое, воздух сырой, пахнет дождем, который еще не начался. Потом пошел к машине.

Маршрут пришел через пятьдесят восемь минут.

Я был уже за городом, ехал по трассе, держал сто, смотрел на дорогу. Телефон лежал на пассажирском сиденье, коротко вибрировал дважды: файл и короткое сообщение следом.

Снял наличные в 08:47. Обычная сумма плюс сорок процентов. Значит, едет дальше обычного.

Прочитал не один раз, не потому что не понял, а потому что сорок процентов сверху меняли расчет. Значит, не Подмоскowie, а дальше.

Написал: *Куда обычно ездит, если дальше?*

Ответ пришел быстро.

Тверь. Там есть дом на частное лицо. Номинальный владелец чистый, но я отследила транзакцию на ремонт три года назад. Прохоров.

Убрал телефон, прибавил скорости.

До Твери три часа, если он выехал утром после снятия наличных, то уже там. Значит, у меня есть ночь и часть утра, прежде чем он успеет устроиться и выстроить новый пери-

метр.

Прибавил скорость, за окном тянулись серые, ноябрьские, без снега пустые и очень большие поля. Я люблю такие пейзажи, в них нет ничего лишнего.

Телефон завибрировал снова. Я не ожидал, маршрут уже был, больше информации по Прохорову у нее не должно было быть. Взял телефон.

Он не один. Со вчерашнего вечера рядом второй человек, транзакция на двоих в ресторане, карта Прохорова. Будь осторожен.

Смотрел на сообщение несколько секунд. Она отслеживала в реальном времени. Пока я ехал, сидела у ноутбука, смотрела за движением его денег и нашла это. И написала. Не потому что я просил, потому что это была нужная информация.

Имя второго?

Ищу.

Убрал телефон. Смотрел на дорогу. Думал, что эта женщина работает так же, как я. Молча, методично, без ожидания благодарности. Нашла – сообщила. Ищет – ищет.

Это тоже была информация. Важная. Сохранил это в памяти, про Нору там становилось много. И с каждым километром все больше.

Глава 6

Нора

Он ушел. Я слышала шаги на лестнице, потом – как хлопнула входная дверь внизу, потом ничего. Постояла посреди комнаты еще несколько секунд, села за стол, открыла ноутбук.

Работа.

Имя второго при Прохорове я нашла через сорок минут. Транзакция двухдневной давности, аренда машины на имя Сергея Вальтера, чистое имя, никаких пересечений с известными мне структурами.

Это было плохо. Чистые имена в их схемах означали одно: человек новый, недавно введенный в оборот, про которого у меня нет данных.

Написала Гектору. Получила в ответ: «*Понял*». Одно слово. Больше ничего. Закрыла переписку и вернулась к схеме.

Прохоров был первым узлом, но не самым важным. Важным было то, что произойдет после. Как только он исчезнет, у меня будет узкое окно: трое суток максимум, прежде чем Верховский перестроит коммуникации и закроет те каналы, через которые я собиралась запустить механизм.

Трое суток – это много и мало одновременно. Много, если все идет по плану. Мало, если что-то пойдет не так. Что-то всегда идет не так.

Работала три часа без перерыва. Выверяла последовательность, проверяла резервные каналы, убеждалась, что каждый шаг не зависит от предыдущего больше чем на семьдесят процентов. Это мое правило: никогда не строить цепочку, где одно звено держит все остальное. Цепочки рвутся. Сети – нет.

В час дня встала, прошла на кухню.

Чайник, вода, кофе. Смотрела в окно, пока закипало. Двор внизу изменился, появились люди, двое с собакой, женщина с коляской. Обычная жизнь, обычный день, ничего, что говорило бы о том, что происходит за чужими окнами.

Думала о Гекторе.

Не потому что хотела, просто он там был, как утром, без спроса. Я пыталась понять точнее, что именно думаю, потому что привыкла называть вещи точно, это тоже профессиональная деформация.

Думала так: он задал вопрос, который не был рабочим.

Ты спала?

Не спросил про архив, не спросил про резервные каналы, не спросил про что-то, что влияло бы на задачу. Спросил про сон. Смотрел при этом коротко, но я видела – не как смотрят на источник информации. Как смотрят на человека.

Это было неожиданно. Я не испугалась и не обрадовалась. Как отмечаю все, что не укладывается в стандартную картину. Гектор в стандартную картину не укладывался с самого начала, это я знала еще до парковки. Но одно дело знать это

про человека по документам, другое – чувствовать это рядом.

Рядом он был другим, чем в досье. Не мягче, нет. Плотнее. Как будто документы давали объем, а живой человек давал вес. Что-то, что нельзя положить в папку и закрыть.

Чайник закипел, налила кофе, вернулась к столу. Подумала, что семь лет я не думала ни о ком как о человеке. Только как о функциях.

Верховский – угроза. Прохоров – узел. Отец Лотты – страх в человеческом обличье. Люди в университете – прикрытие. Я давно разучилась видеть людей целиком, это тоже цена, которую платишь за то, что выживаешь достаточно долго.

И вот теперь – он.

Человек, которого я выбрала как инструмент. Единственный из всех, кто подходил. Единственный с нужной болью, нужными навыками, нужным мотивом, который не купишь. Но в машине, когда он молчал и смотрел на дорогу, я поймала себя на том, что смотрю не на инструмент.

Телефон завибрировал. Ответила, незнакомый номер, но я знала, что это он. Мы договорились: если что-то важное, не писать, а звонить.

– Вальтер, – сказал он без предисловий. – Он охрана. Частная, через третью структуру, чистая легенда. Прохоров нанял его три недели назад.

– Значит, знал, что за ним придут.

– Значит, знал.

Пауза. Короткая, рабочая, мы оба думали об одном.

– Это меняет подход.

– На сколько?

– Не критично. Просто иначе. Ты можешь отследить телефон Вальтера?

– Если он платил картой за связь, то да.

– Платил, – сказал Гектор. – Та же транзакция в ресторане, там был звонок перед едой. Найди оператора.

– Хорошо.

– Сколько времени?

– Час. Может, меньше.

Он не ответил, значит, принял, связь оборвалась. Положила телефон, открыла нужный раздел в архиве. Ресторан, дата, время, транзакция была там, я ее помнила. Нашла за четыре минуты. Вальтер пользовался предоплаченной картой, но карта была привязана к оператору, а оператор оставлял следы, которые умеет читать только тот, кто знает, где смотреть.

Я знала, где смотреть. Через сорок минут у меня было все: оператор, базовые станции, последний сигнал. Написала Гектору координаты.

Ответ пришел через минуту: «Точно».

Одно слово. Я смотрела на него несколько секунд.

Подумала: он уже там, в Твери, в сыром ноябрьском вечере, в чужом городе, один и работает так же, как я. Методич-

но, без лишнего. Находит – сообщает. Думает – действует. Я впервые за семь лет работала не одна.

Это было странное чувство. Как будто привыкла к определенному весу – и вдруг он изменился. Не меньше, не больше, просто другой. Встала, прошла к окну.

Во дворе быстро стемнело, по-ноябрьски, в пять уже почти ночь. Фонарь у стены давал желтый круг на мокром асфальте. Дерево без листьев, голые ветки. Я смотрела на это и думала про Лотту.

Она любит деревья зимой, говорила об этом в один из звонков, что зимние деревья честные, у них все снаружи, никаких листьев, которые прячут форму. Ей тогда было шесть. Я держала телефон двумя руками и не могла ответить сразу, нужна была секунда, чтобы голос стал ровным.

Шесть лет ребенку, которая думает о честности деревьев. Три недели.

Я отошла от окна, вернулась к столу. Открыла ноутбук, посмотрела на схему. Прохоров – первый узел. После него Данн. После Данна финансовый механизм. После механизма Кравцов и Верховский, но это уже не моя часть. Моя часть – деньги и цифры. Его часть – все остальное.

Мы оба делали свое. Телефон завибрировал снова, сообщение.

Все в порядке. Завтра утром буду.

Я смотрела на эти слова дольше, чем нужно.

Все в порядке – значит, Прохоров. Значит, первый узел за-

крыт. Значит, у меня есть трое суток, и они начались прямо сейчас.

Написала: *«Поняла. Я готова»*.

Встала, налила воды, выпила, стоя у раковины. В квартире было тихо, тот же нежилой воздух, тот же желтый круг от торшера. Ничего не изменилось внешне. Но что-то сдвинулось.

Не внутри плана, а внутри меня. Я не стала это называть, некоторые вещи лучше не называть сразу, это я понимала так же хорошо, как он.

Легла в одиннадцать. Смотрела в потолок, желтый отсвет, серый сумрак дальше. Думала о завтра: он приедет утром, начнем следующий этап, будет работа, которая не оставит времени ни на что лишнее.

Хорошо. Мне нужна работа. Мне всегда нужна работа, когда работаю, голова занята тем, что важно, и не занята тем, чем не нужно.

Закрыла глаза. Подумала: *«Все в порядке»*. И впервые за долгое время эта фраза была не про Лотту и не про план.

Глава 7

Гектор

Я приехал в шесть утра.

Не в то время, которое назвал – сказал *«утром»*, имел в виду *«позже»*. Но после Твери ехал без остановок, четыре часа по пустой трассе, темнота и фонари встречных машин.

Не остановился.

Припарковал машину, сидел несколько минут. Смотрел на окно второго этажа – темное. В три часа ее телефон перестал отправлять данные, значит, легла тогда. Мог подождать в машине.

Вышел и пошел к двери. Она открылась прежде, чем я постучал. Нора стояла в проеме. Волосы распущены, первый раз я видел их неубранными, темные, чуть ниже плеч. Смотрела без удивления.

– Рано, – сказала она.

– Да.

Вошел, снял куртку. В квартире тепло, значит, включила батарею, раньше была выключена. На столе две кружки. Одна явно для нее, вторая пустая. Я посмотрел на вторую кружку.

– Кофе.

Прошла на кухню, я сел, откинулся на спинку стула, тело затекло за четыре часа за рулем, голова – нет. Голова рабо-

тала ровно. Это одна из немногих вещей, которым я доверяю в себе. Нора заварила кофе, поставила кружку передо мной, села напротив. Молчала. Смотрела не на меня, в сторону окна, за которым начинало светать.

Она не спрашивала. Большинство спросили бы сразу: как, что, детали. Она ждала.

– Прохоров закрыт, – сказал. – Вальтер тоже.

– Чисто?

– Да.

Она пила свой кофе, обхватив чашку двумя руками, как просто человек с чашкой, в шесть утра, в нежилой квартире. Выглядела усталой, но не от недосыпа, глубже.

– Ты не спала.

– Три часа. Мне хватает.

Я не стал спорить. Посмотрел на ноутбук.

– Что успела?

– Данн появляется в городе раз в две недели, следующий раз через девять дней. Есть окно – два часа, он будет один, охрана снаружи, – Нора развернула экран. – Вот место. Мертвый угол камеры уже отметила. Охрана всегда есть в одном месте, пока ждут – восемь минут ходьбы.

Восемь минут – достаточно.

– Хорошо.

Она закрыла ноутбук, взяла пустую чашку, просто держала, смотрела на стол. Я смотрел на нее. В Норе не было жалости к себе. Совсем. Это редкость, большинство людей с та-

кой историей носят ее как груз, который показывают в нужный момент. Она не показывала. Просто несла.

– Можешь отдохнуть. Данн через девять дней, время есть.

– Ты сам не спал.

– Я в порядке.

– Я тоже.

Встала, убрала чашки. Вернулась, остановилась у стола.

– Есть кое-что еще.

Она открыла файл, развернула ко мне. Транзакция пятилетней давности, крупная, через четыре подставных счета. Конечный получатель – физическое лицо.

– Имя?

– Зорин. Дмитрий Зорин.

Я не двигался, смотрел на экран. Дмитрий Зорин – отец Максима. Старик, которого я видел один раз, на похоронах, который стоял и смотрел в землю.

– Это выплата за молчание?

– Скорее всего. Сумма слишком точная для благотворительности. Так платят за конкретную услугу.

За конкретную услугу.

Встал, прошел к окну. Рассвет уже дал достаточно света, чтобы видеть мокрый асфальт. Стоял и смотрел. Думал о звонке. Три слова – *они меня нашли* – и потом ничего. Я всегда знал, что кто-то сообщил, где искать. Не знал кто.

Теперь знал.

– Гектор?

Обернулся, Нора смотрела на меня, но не с жалостью. Просто смотрела, как смотрит человек, который понимает и не делает из этого ничего лишнего.

– Это не меняет план.

– Знаю.

– Но ты должен был знать.

Она встала рядом у окна, мы смотрели во двор.

– Я не знала, как тебе это говорить, – сказала она. – Потом решила, что сказать все-таки нужно.

– Правильно решила.

– Может быть больно.

– Уже больно. Семь лет. Это не меняет уровень.

Нора помолчала.

– Меняет немного. Я знаю, как это, думаешь, что знаешь все, потом оказывается еще один слой.

– Откуда знаешь? – посмотрел на нее.

– Отец Лотты знал, что за мной следят. За полгода знал. Не сказал ни слова, просто уехал с моей дочерью за границу. Я поняла это через три года, до этого не понимала, почему он так поступил. Нашла в архиве случайно, но все равно оправдывала его, что он не предал специально, просто испугался, я бы, наверное, поступила так же, хотя нет, не поступила бы. Но он не предупредил. Это разные вещи, результат один.

– Да, верно.

Серый рассвет за окном светлел. Во дворе кто-то прошел с собакой и исчез. Потом Нора отошла от окна.

– Ложись спать. Кровать одна, но я поработаю на кухне.

– Нора.

Она остановилась.

– Спасибо, – сказал я. Долгая пауза.

– Это про логику. Ты должен был знать, чтобы правильно работать.

– Я знаю, про что это. Все равно спасибо.

– Хорошо, – сказала, ушла на кухню.

Я лег не раздеваясь. Смотрел в потолок, гнева не было, даже когда я понял, что старику Зорину заплатили за то, чтобы он забыл, кто убил его сына. Я не забыл и не забуду. Из кухни было слышно клавиши ноутбука, изредка звук чашки. Она работала. Я думал о Максиме. О старике на похоронах. О транзакции с точной суммой. О том, что Нора нашла это среди тридцати четырех гигабайт и решила сказать. Не потому, что это меняло план.

Это было не про логику. Она знала, что я понял. Я знал, что она знает. Никто не сказал вслух.

Закрыв глаза, заснул быстро, первый раз без того, чтобы долго лежать и слушать тишину. Тишины не было. Была кухня, клавиши, она – за тонкой стеной.

Этого оказалось достаточно.

Глава 8

Нора

Работала на кухне. Маленький стол у стены, ноутбук, остывший чай. За стеной было тихо. Гектор лег двадцать минут назад, я слышала, как скрипнула кровать, и потом ничего.

Поймала себя на том, что прислушиваюсь.

Не к шуму, а к его отсутствию. Ровное дыхание или нет, спит или лежит. Поняла, что делаю это, и вернулась к экрану.

Схема второго узла. Данн, девять дней, ресторан в центре. Я уже проработала основное, сейчас проверяла детали, в них всегда есть то, что ломает план. Маршрут охраны, интервал между появлениями, запасной выход из ресторана, который на схеме БТИ был заложен кирпичом, но в реальности – я проверила через коммунальные транзакции на ремонт – был разблокирован три года назад.

Это важно. Записала.

За стеной все еще было тихо.

Я думала о транзакции, которую нашла. О том, как долго смотрела на имя, прежде чем написать Гектору. Не потому что сомневалась, нужно ли говорить, конечно, нужно, это я решила сразу. Думала о другом: как именно это на него ляжет.

Семь лет человек носит в себе три имени виновных. Ду-

мает, что знает все. Потом оказывается, что рядом было еще одно, и это имя не чужое.

Я знаю, как это.

Не с отцом Лотты, знала раньше. Первый год, когда меня держали. Я думала, что понимаю механизм, что вижу всю схему. Потом нашла документ, где была моя собственная подпись под согласием, которого я не давала. Хорошая подделка, я бы сама не отличила. Они использовали это как страховку.

Я сидела тогда час не двигаясь. Потом встала и продолжила работать. Что еще делать?

Гектор не сидел час. Встал к окну, постоял, выслушал, и все. Никакого театра, никакой реакции, которая требовала бы от меня чего-то в ответ. Это было правильно. Я не знала бы, что делать, если бы он сломался, утешать я не умею, это ушло вместе с другими вещами давно.

Но он не сломался. Просто принял, как принимают информацию, которая меняет картину, но не меняет курс. Переварил, убрал внутрь, продолжил.

Я снова прислушалась. Тихо. Ровно. Спит.

Что-то внутри чуть отпустило, я не сразу поняла, что именно. Потом поняла: я беспокоилась. Не за план, не за следующий шаг, я беспокоилась за него. За то, как он там, за стеной, с новым знанием про отца Максима и с четырьмя часами дороги в теле.

Это было неожиданно.

Я привыкла беспокоиться только о Лотте. Это единственное беспокойство, которое я себе разрешала, оно было понятное, обоснованное, с конкретным объектом и конкретными причинами. Все остальное я научилась выключать, как ненужный шум.

Это не выключалось.

Вернулась к экрану.

Данн. Девять дней. Детали, которые нужно проверить: связи между его охраной и структурой Верховского, насколько быстро информация попадет наверх, если что-то пойдет не так. Я искала это через финансовые цепочки, всегда через финансовые цепочки, деньги честнее людей, они не умеют врать.

Нашла через час.

Охрана Данна была нанята через ту же структуру, что и Вальтер, а значит, Верховский получит сигнал быстро. Быстрее, чем я рассчитывала. Это сужало окно: не трое суток после Данна, а меньше. Сутки, максимум полтора.

Переписала последовательность.

Финансовый механизм нужно запускать не после Данна, а параллельно. В тот же момент, минута в минуту. Это сложнее, это требует точной синхронизации, это значит, что мы с Гектором должны действовать одновременно и без связи между собой в критический момент.

Смотрела на новую схему. Рискованно. Но это единственный вариант, который оставлял нам пространство для манев-

ра.

Встала, налила воды. В окне кухни было уже почти светло, серое ноябрьское утро, без солнца, но с достаточным количеством света, чтобы видеть крыши домов напротив.

Подумала, что, когда он проснется, я покажу новую схему, он скажет, что думает. Коротко, точно, без лишнего.

За семь дней я уже изучила структуру того, как он думает. Сначала молчание, потом один точный вопрос, потом решение. Никаких промежуточных рассуждений вслух, никакого перекладывания ответственности на собеседника. Принял – сказал. Не принял – сказал тоже.

Это было редкостью.

Люди, с которыми я работала семь лет, думали иначе. Они делали это громко, с аудиторией, с оглядкой на то, как выглядит решение со стороны. Верховский никогда не говорил прямо, всегда через слои, всегда так, чтобы можно было отказать от слов. Данн говорил много и не о том.

Гектор говорил мало и именно о том.

Вернулась к столу.

Было восемь утра, я работала два часа и успела то, что планировала за четыре. Когда понимаешь задачу точно, работается быстрее. Закрыла ноутбук, потянулась.

Тихо. Снова прислушалась и снова поймала себя на этом. На этот раз не убрала эту мысль сразу – о том, что я прислушиваюсь и беспокоюсь. Это есть, никуда не делось за два часа работы.

Ладно. Пусть будет. Не обязательно с этим что-то делать. Встала, прошла к двери в комнату, тихо, не открывая. Просто постояла. За дверью ровное дыхание, спокойное. Спит.

Я думала про Лотту, как она спит, раскинувшись, я видела это, когда она была маленькой, до всего. Наверное, сейчас так же. Дети долго сохраняют привычки тела. Думала про то, что через три недели, если все пройдет правильно, я увижу, как она спит.

Отошла от двери. Прошла обратно на кухню, включила чайник, смотрела, как закипает вода: медленно, сначала пузырьки со дна, потом все быстрее.

Думала про новую схему, про синхронизацию. Про то, что в критический момент нам нельзя будет связаться, и значит, каждый должен знать, что делает другой, настолько точно, чтобы действовать без сигнала.

Это требовало доверия.

Не того доверия, которое возникает само, я в него не верю. Того, которое строится: через информацию, через проверку, через понимание, как человек думает и действует в конкретных ситуациях.

У меня было семь дней наблюдений до парковки и сутки работы после. Этого было достаточно, чтобы понять: он делает то, что говорит. Не больше и не меньше. Сказал – три недели, значит, работает три недели. Сказал – чисто, значит, чисто. Сказал, что я должна была знать про транзакцию, и сказал это так, без театра, как будто это было само собой ра-

зумеющимся.

Чайник закипел. Я заварила чай, взяла чашку двумя руками, как всегда, это была моя привычка. И просто подумала, не разрешая себе больше, чем думать: *впервые за семь лет я не одна в этом.*

Не в смысле союзника. Союзники были, люди, которые помогали за деньги или за свой интерес. Это другое. Я не нашла слова точнее. Оставила без названия.

За стеной было тихо, лишь ровное, спокойное дыхание. Я пила чай и слушала эту тишину. Она отличалась от той, к которой я привыкла.

Привычной пустоты в ней было меньше.

Глава 9

Гектор

Проснулся от тишины.

Не от звука, а именно от его отсутствия. Клавиши на кухне замолчали, и это молчание вытащило меня из сна раньше, чем я собирался. За окном было серое утро, ноябрьское, без намека на солнце. Я лежал и смотрел в потолок несколько секунд, возвращая себе понимание, где нахожусь, потом сел.

В комнате никого. Дверь на кухню приоткрыта, там было тихо, только едва слышный звук дыхания. Значит, Нора не ушла, просто перестала работать. Встал, прошел к двери, заглянул.

Женщина сидела за столом, откинувшись на спинку стула, голова чуть набок. Ноутбук закрыт, руки сложены на столе. Спала, вот так, сидя, прямо за рабочим местом. Не собиралась, просто отключилась. Волосы выпущены, темные, часть упала на лицо, она не поправила, значит, уснула быстро, без предупреждения.

Смотрел на нее несколько секунд.

Потом осторожно прошел мимо, взял из прихожей ее пальто и накрыл ей плечи. Нора не проснулась, дышала ровно, без напряжения, с тем покоем, который бывает у людей, которые наконец дали себе разрешение не держаться.

Включил чайник, встал у окна.

За стеклом был обычный дворик: крыши напротив, голые ветки, серое небо, которое не обещало ничего. Я думал о Твери. О том, как работал ночью: методично, в темноте чужого дома, под звук отопительной трубы в стене. О Прохорове, который в конце смотрел на меня так, будто все знал давно и просто ждал. Некоторые люди устают бежать раньше, чем их догоняют.

Думал о транзакции. Дмитрий Зорин. Отец Максима.

Семь лет я искал троих. Строил цепочки, проверял документы, находил подписи. Три имени, которые знал наизусть: Верховский, Данн, Кравцов. Про четвертое не думал, потому что четвертого не ожидал. Потому что четвертым был старик на похоронах в январе, который стоял в метре от меня и смотрел в землю, и я не думал ни о чем плохом, просто отец в горе.

Нора нашла это среди тридцати четырех гигабайт и принесла мне. Не потому что это меняло план. Потому что считала, что я должен знать.

Чайник закипел, я выключил его раньше, чем он щелкнул сам.

Налил кофе, сел за стол напротив. Смотрел на закрытый ноутбук Норы. На краю стола лежал телефон экраном вниз, она всегда так кладет, привычка человека, который не хочет видеть уведомления, когда не готов на них реагировать.

Рядом блокнот, несколько строчек от руки: цифры, схема, стрелки. Она думала на бумаге, когда уставала от экрана.

Смотрел на ее лицо.

Без контроля оно было другим, мягче в каком-то смысле, хотя это не точное слово. Просто без того слоя, который она носила всегда: внимательность, готовность, оценка. Сейчас просто лицо. Темные круги, которые не уходят за три часа сна. Ресницы. Прядь волос на щеке.

Почему-то подумал про одно из своих первых заданий, про Арину, рыжую девчонку, которую Никифоров держал как собственность и которую я привез обратно, потому что так было сказано.

Арина называла меня псом. Она была права, я был псом. Хорошо обученным, молчаливым, с железной хваткой и без права на собственное мнение. Никифоров дал мне все это в обмен на то, что держал за горло нераскрытыми делами.

Я думал, что умный, а был тупым в том единственном смысле, который имеет значение: не понимал цену свободы, пока не потерял ее полностью. Потом потерял Максима, и стало поздно понимать что угодно.

Максим.

Мы познакомились в девятнадцать, оба работали в одной конторе, у которой не было официального названия и которая решала вопросы, которые не решаются официально. Максим был громким, смеялся в полный голос, говорил первое, что думал, умел разговорить кого угодно за десять минут.

Я так не умел и не хотел учиться. Мы были полной проти-

воположностью и семь лет работали вместе так, что нас считали одним существом с двумя головами.

Он нашел что-то лишнее. Я до сих пор не знаю точно что, Нора знала больше, но и она не знала всего. Какой-то документ, какое-то пересечение, которое не должно было существовать. Максим был умный, когда не отвлекался на людей, которым доверял слишком легко. На этот раз отвлекся не вовремя.

В три ночи был от него звонок. Три слова. Потом ничего. Два года я искал концы. Нашел три подписи. Не мог тронуть ни одну, у каждого из троих было достаточно ресурсов, чтобы я просто исчез, и Никифоров первым помог бы этому исчезновению. Он знал, что я ищу, и молчал, это тоже была его часть хватки. Пока ты ищешь и не находишь, ты нужен живым. Как только найдешь, то перестанешь быть нужным.

Я это понимал и все равно искал. Просто медленнее, чем хотел. Потом пришел заказ на Нору Ингольф.

Нора пошевелилась, я услышал раньше, чем увидел, поднял взгляд. Она открыла глаза, сначала медленно, но взгляд сразу стал ясным, без той секунды дезориентации, которая бывает у людей, когда они просыпаются в незнакомом месте. Привыкла просыпаться в незнакомых местах.

Увидела меня. Посмотрела на пальто на плечах. Ничего не сказала, просто поправила его, почти машинально, посмотрела на закрытый ноутбук. Потом на блокнот. Потом на меня.

– Сколько времени, – не вопрос, просто слова, пока голос не включился до конца.

– Девять. Ты уснула за столом.

Кивнула, взяла со стола телефон, посмотрела на экран, проверила, не пришло ли что-то важное. Ничего не пришло, я видел по тому, как она положила его обратно.

– Кофе, – поставил перед ней чашку.

Она взяла двумя руками, как всегда, это уже я знал, пила молча. За окном ничего не изменилось – то же серое небо, та же ветка, тот же двор.

– Ты думал о Максиме?

– Да.

– И о том, что я нашла?

– Да.

Она кивнула снова, смотрела на кофе.

– Я думала об этом, пока работала. О том, что люди, которые предают, не всегда понимают, что предают. Иногда просто спасаются. Это не делает результат другим. Но это разные вещи.

– Ты уже говорила это. Про отца Лотты.

– Знаю. Но это работает для обоих случаев.

Я смотрел на нее. Она говорила это, не чтобы мне легчало, она говорила, потому что думала именно так и считала это точным. Разница небольшая, но я ее слышал.

– Верховский, Данн, Кравцов. Это была их идея. Дмитрий Зорин только продал адрес. Они бы нашли и без него.

– Да, – сказала. – Нашли бы.

– Тогда зачем мне это знать?

Она подняла взгляд.

– Потому что ты носил неполную картину семь лет, – сказала ровно. – Теперь полная. Что с ней делать – твое дело. Но неполная картина – это ложь, которую ты говоришь себе не специально.

Я молчал.

Она была права, и именно это было труднее всего принять, не потому что неприятно, а потому что точно. Семь лет я знал имена трех виновных и думал, что знаю все. Четвертый не меняет их вины, но меняет мою картину мира, в которой Максим был предан только чужими. Оказалось, что был предан и своим.

Это другое. Нора была права, что это другое. Она допила кофе, поставила чашку. Открыла ноутбук.

– Новая схема. Я пересмотрела последовательность ночью. Данн и финансовый механизм нельзя разносить по времени, нужно одновременно. Посмотри.

Встал, подошел, посмотрел на экран. Она объясняла коротко, без лишнего, ткнула пальцем в узловые точки. Я слушал и одновременно думал о том, что она делала этим ранним утром. Пока я спал за стеной, она сидела здесь, в чужой кухне, и переписывала схему, потому что нашла слабое место в старой.

– Это значит, что мы не можем быть на связи в критиче-

ский момент.

– Именно. Каждый делает свое без подтверждения от другого.

– Ты доверяешь, что я сделаю в нужный момент?

– Я знаю, что ты сделаешь в нужный момент, – поправила она. – Это не одно и то же.

Смотрел на схему, думал о синхронизации, это был технически сложный вариант, требовал точности, которая не прощает ошибок. Но она была права: другого варианта не оставалось.

– Хорошо.

Нора кивнула и начала набирать что-то на клавиатуре. Я вернулся к окну, встал, смотрел во двор. Серое небо начинало светлеть незначительно, по-ноябрьски, просто чуть меньше темноты.

Думал о Никифорове. О том дворе со снегом, о том, как улыбнулся, перед тем как нажать на курок, и не потому что было смешно. Потому что семь лет ждал именно этого момента, и, когда он наступил, внутри что-то встало на место со скрипом, как несмазанный механизм, который наконец про-вернулся.

После этого я уехал. Без плана, без следующего шага, просто сел в машину и поехал. Несколько месяцев работал сам на себя, брал то, что хотел, отказывался от того, что не хотел. Впервые за много лет.

А потом пришел заказ через Стрельникова, с чистыми

деньгами и чистыми документами, и папка с фотографиями женщины с грустными глазами. И я начал двадцать один день наблюдения, сам не понимая, что иду не к завершению, а к началу чего-то совсем другого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.